

№ 611. — Ответ "Колоколу".

(1 декабря 1860 года.)

С негодованием и грустью прочли мы ваши строки под заглавием "Тиранство сибирского Муравьева". Вы с ирониею отзываетесь о поклонниках Муравьева, сами же являетесь слепыми поклонниками Петрашевского. Если бы вы знали, кто такой Петрашевский и что он делал и делает, вам было бы стыдно. И неужели все ваши известия не достовернее тех, которые вы получаете из Восточной Сибири?

Впродолжение 13 лет один из лучших русских людей, проникнутый истинно-демократичным и либеральным духом, трудился в поте лица своего, для того чтобы очеловечить, очистить, облегчить и поднять по возможности вверенный ему край. Он совершил чудеса, в особенности чудеса для соннолюбивой России, привыкшей заменять дело фразами да мечтами; ничтожными средствами, без всякой помощи и поддержки, почти наперекор Петербургу он присоединил к русскому царству огромный благодатный край, придвинувший Сибирь к Тихому океану и тем впервые осмыслил Сибирь; он не жалел ни трудов, ни здоровья, он весь отдался великому и благородному делу, сам везде присущий и сам всегда работая как чернорабочий. Впродолжение 13 лет он давал нам пример полнейшего самоотвержения; все его стремления, замыслы, предприятия, отличавшиеся истинно гениальной меткостью и простотою, проникнуты были высоким духом справедливости и желанием общего блага. 13 лет боролся он и боролся небезуспешно за права сибирского народа, стараясь освободить его, опять-таки сколько было возможно при известных вам политических условиях, от притеснений чиновно-административного, купеческого, горнозаводского, золотопромышленного, равно как и от зловонно-православного притеснения. Он успел очеловечить вверенный ему край, смягчить и облагородить все отношения, так что можно смело сказать, что ни в одной провинции России нет такой свободы движения и жизни вообще, как в Восточной Сибири, и ни в одном провинциальном городе не живет так привольно, легко и гуманно, как в Иркутске. Все это - дело Муравьева Сибирского. Что ж, разве стыдно называться его поклонником? В России, стране слов и безделья, чему же и кланяться, как не делу? В Англии, во Франции, везде на Западе такой деятель, как Муравьев, был бы признан давно, но мы, русская публика, мы - лакеи, завистливые ненавистники чужого достоинства и меряющие свое собственное способностью к всеруганью. Что такова русская публика, немудрено: мы все знаем, как она произошла. Но вы, благовестники новой России, вы, защитники прав русского народа, как могли вы не признать и оклеветать его лучшего и бескорыстнейшего друга? Незнание не может служить для вас оправданием; говоря так громко, так резко, приобретая такую силу в России, вы должны знать много и точно, иначе голос ваш будет бесчестным и вредным. В то время как истина одна может спасти Россию, ложь и к тому же такая громкая ложь становится

преступлением.

Вы когда-то проявляли симпатию к сибирскому Муравьеву; вероятно не без данных и не без причин. Но вот вам пришлось решать между ним и Петрашевским, и вы, не усумнившись нисколько, позабыв все данные и все причины, осуждаете генерал-губернатора, пишете о тирании сибирского Муравьева. Не лицепрятие ли и не чинопочитание ли это? Только в обратном порядке: ведь для вас политический преступник то же, что для простого русского смертного действительный тайный советник, министр или фельдмаршал. Вы не допускаете, чтобы политический преступник мог быть мерзавцем, хоть бы напр[имер] корреспондентом 3-го Отделения, и подивитесь без сомнения немало, когда узнаете, что не одни вы, но с вами вместе и лазурный блюститель порядка с огромным виноградным листом (Т. е. начальник Иркутского губернского жандармского управления.) жалеет о высылке Петрашевского из Иркутска¹.

Вы учите Муравьева Сибирского, как должно обходиться с сосланными вообще и с политическими в особенности. Если бы вы знали, кого вы учите! Человека, который впродолжение 13 лет, с первого дня своего управления, был горячим заступником, другом всех поселенцев, который, несмотря на множество препятствий и неудач, не переставал отстаивать права их в Сибири и в Петербурге, сердце которого, открытое для всех несчастий, полно симпатии и уважения к несчастью незаслуженному и благородному. И все это не на словах, а на деле, слышите ли вы, русские люди, на деле. Как же вы могли об этом не знать? Биографы декабристов, имеете ли вы право не знать, чем Муравьев был для них? С первого дня прибытия его в Иркутск в 1848 году пали цепи с благородных рук Петра Высоцкого 2, заключенные освободились, привязанные к месту получили свободу движения. Проезжая через Западную Сибирь, в Ялуторовске, он гостил у поселенных там декабристов: Муравьева-Апостола 3, И. И. Пущина, Якушкина 4, Басаргина и проч., беседуя с ними не как равный с равными, но как младшие со старшими и, первый генерал-губернатор в России, преклонил голову, непривыкшую гнутья, перед высоким несчастьем. В Иркутске он окружил себя декабристами, сделал их своими ближайшими друзьями, советниками. Разумеется, на него посыпалось множество доносов из Сибири; Сибирь - страна клевет и доносов par excellence (По преимуществу.), - вам это знать не мешает, - и знаете ли, как странно и неожиданно ответил на них Николай:

"Наконец я нашел человека, который меня понимает; пора же обходиться с ними как с людьми", - и так поступал Муравьев и так говорил Николай в 1848 и 1849 годах, т. е. в самый разгар безумнейшей реакции внутри России. Благодаря Муравьеву декабристы из утесненных, неправых сделались первенствующими людьми в Восточной Сибири. Спросите у оставшихся в живых: все без исключения, кроме только трех, все гордились и гордятся дружбою Муравьева. Исключение же составляют два брата Завалишины да еще один псевдо-декабрист, враг Муравьева, которого мы называть не станем, потому что интригуя всеми способами против Муравьева и в Петербурге и в Сибири, он сам еще себя не называет (Бакунин имеет в виду Владимира Федосеевича Раевского.). Один Завалишин (Ипполит Иринархович.) доносчик на декабристов и на брата, был вскоре переведен в Западную Сибирь, где и умер; другой же, Дмитрий Иринархович Завалишин, ненавидит Муравьева за то, что он не позволил ему поцарствовать по-русски в Чите.

Но не на одних декабристов, а на всех сосланных поляков распространилось одинаково покровительство Муравьева. До его прибытия в Сибирь они терпели всякого рода притеснения и оскорбления. При нем они сделались неприкосновенными. Мы видели их возвращающихся в край после амнистии, которая нигде не была применена так широко, как в Восточной Сибири, и слышали, как единодушно благословляли они имя Муравьева-Амурского; и между ними, к их славе и к нашему русскому стыду, не нашлось ни Завалишиных, ни Петрашевского... Мы слышали, как отзывался о нем достойный патриарх польской свободы, друг Лунина⁵, Петр Высоцкий: "Муравьев помирил нас и с русскими и с именем Муравьева". Высоцкий жив; спросите у него, правду ли мы говорим или нет. Пусть "Колокол" обратится с громким вопросом прямо ко всем полякам, бывшим в Сибири, недостатка в ответах из польского края не будет^{5а} Наконец знаете ли вы, что писал тиран Муравьев в Петербург в 1858 году, в день заключения Айгунского трактата, в силу которого Амур стал русской рекою: "Если я заслужил милость государя, то как единственной награды прошу о прощении..." ("Петрашевского, Снешнева, Львова и родственника моего, Бакунина". (Примечание Бакунина б.) четырех политических преступников, и между ними первый поименован Петрашевский. Каким же образом Муравьев сделался вдруг гонителем Петрашевского[LDN1]?

Решаясь ответить на этот вопрос, мы приступаем к весьма трудному и деликатному делу. Во все времена и во всех странах, где был только проблеск человеческого чувства, звание политического изгнанника было священо; в России же, особенно в царствование императора Николая, быть политическим преступником значило быть лучшим человеком в государстве. Такое понятие было часто не более как фикция, но фикция необходимая, спасительная. Теперь же время фикций прошло. Фикции к чорту или пожалуй на Запад, нам же, русским, для нашего спасения необходима теперь истина полная, чистая, совершенная. Мы сами, воспитанные в религиозном уважении к политическому несчастью, долго не решались отвечать на ваши нападки на Муравьева Сибирского именно потому, что для полного ответа должны были разоблачить две фикции: Завалишина и Петрашевского. На первый раз оставим Завалишина в стороне; но последнюю выходкою своею вы поставили так резко вопрос между генерал-губернатором Восточной Сибири, графом Муравьевым-Амурским, и политическим преступником Михаилом Васильевичем Петрашевским, что молчать долее, когда ложь говорит так громко и так нагло, было бы с нашей стороны преступлением. Выбор между Муравьевым-Амурским и Петрашевским, т. е. между благородным человеком и... Петрашевским, для нас не труден. Мы сказали довольно о Муравьеве; поговорим теперь о г-не Петрашевском.

Вероятно по той же самой причине, по которой все политические преступники безусловно хвалятся в вашем журнале, вы придаете в нем и делу Петрашевского неестественные, громадные размеры. В сущности же дело было пустое: если что в нем было громадно, то это-недобросовестность, подлость некоторых правительственных лиц, придавших ему политическое значение в видах придворной интриги и личной пользы. Министру внутренних дел понадобилось отличиться в ущерб тайной полиции, для этого Петрашевский был превращен в Брута, а кружок из нескольких более или менее пустых молодых людей (пустых за исключением может быть одной или двух личностей), собиравшихся вокруг него без цели, просто чтобы покутить да поболтать обо всем, в опасное тайное общество⁷. Их чуть было не расстреляли и сослали на каторжную работу в Сибирь. Освобожденный вскоре

Муравьевым, Петрашевский предался своим любимым занятиям: интриге да ябеде, чем и навлек на себя единодушное презрение всех поляков, товарищей по заключению. Вы, может быть, воображаете, что Петрашевский - кровожадный революционер с разрушительными замыслами; нисколько. В Петербурге в кружке своем он постоянно противился революционному направлению и всякому практическому применению новых идей: он любит проливать не кровь, а чернила: он сидит верхом на своде законов и роскошествует в грязных и темных проходах российского законодательства. Он - агитатор чернильный и готов поссорить братьев, друзей для того только, чтобы завести между ними тяжбу. Он поражает свою бессовестностью, наклеветает на вас, и когда вы изобличите его, не краснея нисколько, он скажет вам: "Ну что ж, это было необходимо по тогдашним моим соображениям. Зачем вы сердитесь? Более не буду". Честь и личное достоинство для него - понятия чужестранные, к нему худо или даже совсем не привившиеся. Клевета и ложь - его мелкая монета, а неутомимость, искусство в интриге доходят в нем просто до гениальности. Он возненавидел Беклемишева, знаете ли за что? Петрашевский-несчастный (Вероятно здесь у Драгоманова опечатка: по смыслу должно было бы быть "нечестный".) игрок, без денег и без уменья, выигрывает - берет, проигрывает - не платит, вследствие чего никто не хотел играть с ним в Иркутске. Раз вечером месяца за два до несчастной дуэли он явился к Беклемишеву незванный и нежеланный, стал напрашиваться на игру; с ним играть не хотели, наконец уступили ему, он проиграл и свои деньги и деньги, вымоленные им у присутствовавших; ушел, проигравшись в пух, а Беклемишев как хозяин дома заплатил за него около 150 рублей сер., которых Петрашевский ему вероятно никогда не отдаст. Вот из таких-то причин произошла непримиримая ненависть Петрашевского к Беклемишеву и товарищам. И чем же она выразилась? Гнусною преступною клеветою.

В апреле 1859 года в отсутствие Муравьева, только что отправившегося вниз по Амуру в Китай и в Японию, случилась дуэль Беклемишева с Неклюдовым. Это была первая дуэль в Иркутске, чуть ли не в целой Сибири. Она поразила паническим страхом всех иркутян, худо понимающих тонкую, более западную, чем русскую черту, отделяющую учтивое убийство по всем правилам рыцарского поединка от простого и грубого смертоубийства. К тому же ни Беклемишев, ни его товарищи (У Драгоманова напечатано "товарищ".) не были любимы в Иркутске. Причина же их непопулярности заключалась отчасти в них самих: они нередко отталкивали и оскорбляли других важничаньем своим и тщеславием, большею ж частью в том, что, верные и неподкупные исполнители воли генерал-губернатора, они, равно как и сам Муравьев, навлекли на себя гнев и негодование всех приверженцев старого порядка, а таких людей в Иркутске, равно как и в целой России, - легион. Таким расположением умов Петрашевский воспользовался с великим искусством и показал при этом случае замечательный талант к агитаторству. Полчаса после дуэли, при которой, разумеется, ни он, ни его приятели не могли присутствовать, он уж кричал по домам и по улицам об изменническом убиении Неклюдова. К нему присоединились товарищ его Львов, побуждаемый одинаковыми причинами, несколько надорванных учителей-недоучек, несколько мелких чиновников, все поклонников его политического величия, да еще несколько мещан, товарищей по биллиарду. Эта шайка занялась собственно демократическою пропагандою. День был праздничный, светло-воскресный. Народ кишел (У Драгоманова напечатано "кипел".) на площади и по улицам, дело пошло удачно. Петрашевский, неутомимый, неумолимый, с яростно взволнованными чертами и глазами, бросающими искры, с афишами в руках, бегал "продолжение целого дня из одной улицы в

другую, везде волнуя народ, раздавая ему афиши и приглашая его на похороны Неклюдова. Не пренебрег он также и гостиними, а благодаря рекомендации Муравьева- он имел доступ во все; и в гостиних также служебное недовольствие и зависть, оскорбленное тщеславие вместе с оскорбленным карманом доставили ему слишком много союзников, так что к концу первого дня по дуэли девяносто девять сотых голосов в Иркутске, слитых в один голос электризирующей деятельностью Петрашевского, стали единодушно кричать против злодеяния Беклемишева и товарищей, - явление в высшей степени грустное, ибо оно доказывает, как мало в русской публике самостоятельности, критического смысла и справедливости. Мы говорим в "русской публике", потому что нелепая весть благодаря опять-таки удивительной деятельности Петрашевского с быстротою молнии разнеслась по целой России и везде нашла ту же глупую, нелепую веру. И сам "Колокол", умный, благородный, спасительный "Колокол", не избег общей участи: тронутый рукою того же Петрашевского, он также зазвонил вздор и гнусную клевету. И странно, никому не пришло в голову задать себе только простые два вопроса.

Во-первых, возможно ли, чтобы несколько молодых людей, порядочных, воспитанных и прежде всего молодых, следовательно еще мало испорченных русской жизнью, спасаемых от общей русской порчи уже одним живым течением крови, возможно ли, чтобы, не подвергаясь сами ни малейшей опасности, они, пренебрегши и честью и совестью и даже удобным случаем безвредно хвастнуть молодечеством, стали предлагать смертельно оскорбленному товарищу заменить дуэль благородную и необходимую подлым, холодным, изменническим убийством? Заметьте, что мы берем здесь худшее предположение, говоря о молодых людях с самым пустым содержанием, только светски-воспитанных, и уверяем вас, что Анненков и Молчанов, секунданты Беклемишева и Неклюдова, не только светски-образованные, но и действительно благородные и честные люди.

А во-вторых, предположив даже, что Анненков и Молчанов так испорчены, что могли согласиться на подлое преступление в пользу товарища, чем же мог вознаградить их Беклемишев за страшную опасность, которой подвергались они в случае открытия их гнусной сделки, скрыть которую было бы так трудно, почти невозможно? А подвергались они, не говоря уже о публичном презрении, лишению прав состояния да каторжной работе. О преданности и самоотвержении говорить тут нехстати: подлецы не жертвуют собою; Беклемишев же не богат, не знатен и не силен. Что ж, разве они-дураки? Но ни Петрашевский, ни "Колокол" в идиотстве их не обвиняют. Не ясно ли, что обвинений нелепо, а вместе с тем и преступно? И эту нелепость, злостно распространенную Петрашевским, повторили послушно за ним весь Иркутск, целая Россия, сам "Колокол"! Вот вам и русская публика.

При этом рождается вопрос: при наших законах, при известных всем порядках где взял бесправный и беззащитный поселенец Петрашевский столько силы, чтобы взволновать целый Иркутск? Ответ на этот вопрос будет служить вместе ответом и на печатную клевету против тирана Муравьева. Муравьева в Иркутске не было. При нем, разумеется, грязный агитатор не смел бы и пикнуть, но в отсутствии его он был всемогущ и мог безнаказанно шуметь и клеветать, потому что никто кроме самого Муравьева не имел над ним власти: так высоко поставлены все политические преступники тираном сибирским. К тому же Петрашевский умел обеспечить за собою еще другую поддержку. Он сделался

корреспондентом 3-го Отделения, столы которого, говорят⁸, завалены доносами Петрашевского и Завалишина. Не пренебрегая ничем, он искал опоры в крупном и мелком чиновничестве, даже в полах, равно как и в синем мундире. Опираясь таким образом с одной стороны на мнимое сочувствие Муравьева, который с ведома всех принимал его с почетом еще накануне своего отъезда, с другой же - на множество тайных и явных недоброжелателей Муравьева, запугивая одних генерал-губернатором, других - жандармами, третьих - "Колоколом", Петрашевский безнаказанно и беспрепятственно бушевал в Иркутске целое лето, целую осень, почти ползимы - до самого возвращения Муравьева в январе 1860 года. Он не довольствовался ни криком, ни клеветами, ни систематическим распространением нелепых и гнусных вестей, ни доносами в 3-е Отделение да в "Колокол" ⁹, нет, он то именем Муравьева, то именем Тимашева и наконец еще именем какого-то генерал-адъютанта, возведенного ему будто бы из Петербурга, старался застрашать следственную комиссию, наряженную по делу дуэли; подсылал в нее лжесвидетелей. Потом с помощью друга и союзника своего, советника губернского суда Ольдекопа¹⁰, личного врага Беклемишева, до такой степени запугал (Вероятно это опечатка вместо "запутал", как должно быть по смыслу.) несчастных и во всех отношениях ничтожных членов окружного суда, что те, сбитые с толку, произнесли известное вам злобно нелепое решение, которым, признавая с одной стороны, что юридических доказательств не нашлось ни против Беклемишева, ни против двух секундантов, тем не менее присудили их на основании общего говора как убийц к лишению прав состояния и к каторжной работе. Таким же образом старался он действовать и на губернский суд, и все это делал он те скрытно, - в этом его единственное достоинство, - он терроризировал целый город, все губернское и городское начальство, - в этом их стыд, - врывался в присутственные места, грозил советникам главного управления, как некогда Петр Великий в сенате, палкою и перед самим зеркалом, стращал их то Муравьевым, то синим мундиром, то таинственным генерал-адъютантом из Петербурга, то "Колоколом".

Прошло пол-года, Петрашевский называл себя еще приверженцем Муравьева, тремя единственно против молодых людей, будто бы компрометирующих генерал-губернатора. Но вот пришли вести с Амура. Муравьев ясно выразил свое негодование против Петрашевского, велел напомнить ему его невыгодное политическое положение и советовал ему замолчать. Вместе с тем, оставаясь верным системе, принятой им раз навсегда в отношении к политическим преступникам, он писал к иркутскому начальству: "как ни прискорбны действия Петрашевского, я желаю, чтоб они остались для него без последствий". С тех пор Петрашевский стал отъявленным врагом Муравьева и слил свою злость с более старинною злобою Завалишина, с которым вступил с тех пор в дружескую переписку. Наконец Муравьев возвратился.

Терпеть действия Петрашевского он не мог ни как генерал-губернатор, ни как благородный человек; что же он сделал? Он отказал Петрашевскому от дома, отрешил товарища его Львова от места, занимаемого им в главном управлении, и велел сказать им обоим, что если они не перестанут неистовствовать, он будет вынужден выслать их из Иркутска. Что же тут жестокого и тиранического и можно ли было поступить мягче? ¹¹

Львов и Петрашевский как политические преступники, скажете вы, заслуживали всякого уважения и снисхождения. Но если политический преступник украдет, разве он будет не

вор [ом]; не убийцею, если он убьет того; не мерзавцем и не подлецом, если он наделает мерзостей? Неужели кто-нибудь в мире, царь ли он или политический преступник, может безнаказанно творить мерзости, и с которых пор мерзавец, носящий недостойным образом имя политического преступника, сделался святым и неприкосновенным? Где же справедливость и логика? Как благородный человек и как правосудный генерал-губернатор Муравьев должен был положить конец проидам и беззакониям Петрашевского. Вы спрашиваете, зачем он не представил его к переселению в Западную Сибирь или на Кавказ. Но во-первых такие представления редко удаются, ибо переселение в Западную Сибирь считается милостию, хотя и совершенно напрасно: для политических преступников жизнь в Восточной Сибири несравненно легче и привольнее, чем в Западной, где они до сих пор подвергаются бесчисленным утеснениям и оскорблениям, так что в последнее время многие поляки перепросились в Восточн[ую] Сибирь, где они находят и более уважения, свободы и гораздо более надежды возвратиться на родину. Итак по вашему человека, так много напакостившего и писавшего доносы на Муравьева, Муравьев должен бы был или представить к милости, - но тогда где ж бы были разум и правосудие? - или должен был объяснить петербургскому правительству причины, побудившие его просить об удалении Петрашевского из Иркутска, т. е. сделать неисправимое зло самому Петрашевскому. Оставалось еще третье: предать его суду за громкую и очевидную противозаконность его поступков, что повлекло бы за собою неминуемо наказание Петрашевского плетями, потому что по русским законам поселении, подвергается плетям и за меньшие преступления. Для того чтобы спасти Петрашевского от его собственного безумия и от последствий его безумных поступков, Муравьеву ничего более не оставалось делать как выслать его из Иркутска. А в доказательство, что им руководила не злость и не мелкая мстительность, заметим только, что если бы он хотел сделать зло Петрашевскому, то он послал бы его так же легко в Туруханск или в Якутскую область или в Баргузин за Байкалом, а не в благодатный Минусинский край, один из центров золотопромышленности, на границе Западной Сибири.

Во все время пребывания Муравьева в Иркутске Петрашевского не было слышно, он присмирел. С Муравьевым шутить неудобно; трудно найти человека благороднее, великодушнее, но при всей доброте он - лев, а львиный гнев вызывать опасно. В Петрашевском много дерзости, но не храбрости, - интрига редко бывает мужественна, и храбрость не есть дело законников. Петрашевский знал Муравьева, а потому и молчал. Обманутый этим молчанием, Муравьев, уезжая в Петербург, просил генерала Корсакова (Михаил Семенович.), которому передал на время управление Восточную Сибирью, оставить Петрашевского в покое, пока он сам не нарушит покоя. Но едва лишь только лев скрылся, как волк-Петрашевский, ставший было овечкой, вновь обратился в дикого волка; едва прошла неделя по отъезде Муравьева, как он ворвался с старыми угрозами в два присутственные места, требуя в одном неправильно денег, в другом - объяснения причин удаления его товарища Львова из главного управления, и наконец подал в губернский суд ябеднически пасквильную просьбу по золотопромышленному делу, по которому он действовал как доверенный: в этой просьбе требовал он отвода помощника председателя губернского суда Молчанова, якобы причастного в смертоубийстве (в то время как губернский суд решением своим признал уже правильность дуэли), и по поводу каких-то 20.000 руб., будто бы следуемых от некоего золотопромышленника его доверителю, сумел письменно официально приплести всю беклемяшевскую историю, перебрать и перебранить

Беклемишева с товарищами и в сотый раз повторить нелепую, гнусную, им же самим сознательно созданную клевету. Генерал Корсаков пригласил к себе Петрашевского, желая в последний раз попробовать над ним меры кротости и убеждения; он старался его урезонить, но Петрашевский, не слушая ничего, стал грозить ему "Колоколом". Тогда, скрепя сердце, наместник генерал-губернатора в исполнение воли Муравьева сослал Петрашевского в Минусинский округ¹². Для того чтобы дать вам последнее доказательство долготерпеливости Муравьева, прибавим, что Петрашевский проживал до сих пор в самом городе Минусинске, и что около месяца тому назад, следовательно гораздо прежде появления вашей филиппики против тиранства сибирского Муравьева, он дозволил Петрашевскому жить в губернском городе Красноярске.

Кажется, прибавлять нечего. Вы можете быть обмануты, но обманывать не станете и не откажете в должном удовлетворении благородному Муравьеву-Амурскому; а вместе с тем вероятно также согласитесь с нами, что для оправдания Петрашевского остается одно только средство: объявить его безумным.

В самом деле в последние годы близкие люди нередко замечали в нем все признаки сумасшествия.

Михаил Бакунин.

1-го декабря 1860 года г. Иркутск.

Комментарий

№ 611.-Напечатано в "Письмах" Бакунина, изданных Драгомановым.

Эта статья Бакунина представляет ответ на заметку Герцена "Тиранство сибирского Муравьева", напечатанную в № 82 Колокола", вышедшего 1 октября 1860 (значит на доставку номера в Иркутск понадобилось около трех месяцев; отсюда вывод, что на получение Герценом писем Бакунина требовалось тоже примерно столько же времени, ибо и то и другое шло с okazji). Вот что гласила заметка, на которую откликнулся Бакунин: "Дело Беклемишева и Неклюдова открыло нам такое обилие поклонников (Герцен не мог здесь иметь в виду Бакунина, так как письмо Бакунина, написанное в ноябре, получено было им в лучшем случае в конце года.) сибирского Муравьева, что мы даем им новый случай показать свою преданность и, если можно, объяснить человечески, почему по отъезде Муравьева Петрашевский был схвачен и сослан на поселение за Красноярск, верст 40 от Минусинска. Неужели у графа. Амурского (Игра слов; Амур значит также любовь, каковая сопоставляется с ненавистью.) столько ненависти? Неужели прогрессивный генерал-губернатор не понимает, что вообще теснить сосланных гнусно, но теснить политических сосланных времен Николая, т. е. невинных, преступно? Если же он не может с ним ужиться, то благороднее было бы, кажется нам, просить о переводе Петрашевского в Западную Сибирь, на Кавказ или куда-нибудь".

Ответ Бакунина, излагающий в сокращенной форме содержание, письма от 7-15 ноября, столь же пристрастен, необедителен и скандален для Бакунина, как и названное письмо. На оригинале этого манускрипта кем-то, вероятно лицом, через которое было переслано письмо, написано: "Статья эта прислана мне для передачи. Это и есть единственная причина, почему я ее посылаю. В целом и в частях это - компиляция близорукая и пристрастная, которая никогда не должна увидеть печатного станка".

1 Это-повторение гнусной клеветы на Петрашевского, ничем не подтверждаемой и не доказываемой.

2 Высоцкий, Петр (1799-1875)-польский политический деятель; состоя с 1817 г. в королевской гвардии, он в 1824 г. поступил в школу подхорунжих был произведен в подпоручики, организовал широкий заговор, результатом которого было восстание 29 ноября 1830 г. Участвовал в военных действиях, а затем с корпусом Дворницкого отступил в Галицию. Вернувшись вскоре в Польшу, Высоцкий участвовал в обороне Варшавы я раненый был взят в плен (6 сентября 1831 г.). Приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами в Сибири. Здесь за участие в заговоре 1837 года получил 1 000 палок (пять его сопроцессников засечено на смерть). В 1857 г. вернулся в Польшу и жил под Варшавой.

3 Муравьев-Апостол, Матвей Иванович (1793-1886)-русский военный и политический деятель, сын посланника в Испании; учился в Политехнической школе в Париже; участник Отечественной войны, отставной подполковник, один из основателей "Союза Спасения" и "Союза Благоденствия", член "Южного Общества"; принимал участие в восстании Черниговского полка; приговорен к смертной казни, замененной за раскаяние каторгою на 20 лет, сокращенной до 15 лет; каторга, в конце концов, заменена была ссылкой в Виллюйск; в 1829 г. переведен в Бухтарминскую крепость, а в 1836 г. в Ялуторовск Тобольской губ.; здесь вместе с И. Д. Якушкиным основал ланкастерскую школу. Амнистиею 1836 г. восстановлен в прежних правах; в 1857 г. поселился в

д. Зыковой Московской губ., с 1860 г. в Москве. Оставил воспоминания, напечатанные в "Русской Старине", 1886 г.

4 Якушкин, Иван Дмитриевич (1793-1857)-русский политический деятель, отставной капитан, один из основателей "Союза Слоения" и "Союза Благоденствия", затем член "Северного Общества"; в 1817 г. задумал убить Александра I; в восстании 14 декабря не мог принять участия, так как находился не в Петербурге. На допросах держался стойко и никого не выдавал. Приговорен к смертной казни, замененной 20-летней каторгой, сокращенной до 15 лет. В 1832 г. вышел на поселение в Ялуторовск, где жил до амнистии 1856 г., занимаясь педагогической деятельностью. После амнистии вернулся в Россию и умер в Москве. Оставил записки, многократно переиздававшиеся (полное издание вышло в 1926 году).

5 Лунин, Михаил Сергеевич (1783-1845) - русский политический деятель, служил в кавалергардском полку, участвовал в Отечественной войне, после которой вышел в отставку и уехал в Париж, где, между прочим, познакомился с Сен-Симоном; здесь же перешел в католичество, по возвращении в Россию вступил вновь на военную службу, был подполковником л.-гв. Гродненского гусарского полка; один из основателей "Союза

Спасения", член "Союза Благоденствия" и "Северного Общества"; проживая в Варшаве, перешел в "Южное Общество". Приговорен к 20 годам каторги; в 1836 г. вышел на поселение в село Урик вблизи Иркутска. Вследствие перехваченных писем его к сестре, которые признаны были преступными и направленными против правительства, был снова арестован и отправлен в Акатуйский рудник, где и умер.

5а Вот что сам Муравьев выставлял одним из мотивов помилования поляков в письме своем к шефу [жандармов Орлову от 3 августа 1850 г. из Иркутска (цит. соч. Барсукова, том II. стр. 62); "Облегчая участь этих преступников, сближая их с родиною переводом во внутренние губернии, правительство в то же время избегнет чрезмерного уже накопления поляков в Восточной Сибири, где но (малочисленности населения распространение польского духа, более или менее, до всегда враждебного России, может быть от них ощутительно, тогда как во [внутренних губерниях при многочисленности народонаселения дух этот никакого влияния от 150 лиц иметь не может, и сами они скорее обрусееют". Что это говорилось не только перед всесильным шефом жандармов, для того чтобы выпросить у него облегчение участи политических жертв самодержавия, а всерьез и искренно, видно из письма того же Муравьева, уже удалившегося на покой и теперь действительно имевшего основания дуться на правительство, к своему пестуну и преемнику М. С. Корсакову, которого он обучал правительственной мудрости. В этом интимном письме от 19/31 октября 1861 г. из-за границы (I. С. I, стр. 630-631) Муравьев в предвидении нового наплыва ссыльных поляков советует Корсакову не допускать их в свой район: "Советую тебе оградить Восточную Сибирь от этого нового нашествия иноплеменных. Польская аристократия и ксендзы безусловно враждебны России,.. а конечно их-то и будет больше всего в числе ссыльных. Все они довольно образованы, и, как несчастные, скоро получают большое влияние в народе, а этого-то влияния я и боюсь для Восточной Сибири... В 1850 году а самой [секретной переписке моей с графом Орловым я просил в виде помилования перевести всех ссыльных поляков из Сибири во внутренние губернии или по крайней мере в Западную Сибирь; там изложены тоже и причины, .о которых я здесь говорю... По-моему это весьма важно потому, что распространение в этой отдаленной стране ненависти к России в народе чрезвычайно опасно; довольно уже и того, что толкуют привилегированные сословия в Сибири, т. е. купцы, почетные граждане и чиновники... Я сам убедился, как много польских понятий распространилось те только в Забайкальской области, но и в Иркутске и в окрестных селениях и заводах, где наиболее пребывали поляки. Я знаю много коренных сибиряков, которые гораздо более расположены к Польше, чем к России". И этого человека наивные люди вроде П. Кропоткина (в "Записках революционера") пытались представить в виде оппозиционера, вдобавок чуть ли не мечтавшего об отделении Сибири от Российской империи!

6 См. выше комментарий 10 к No 605. Эта выдержка из конфиденциального письма Муравьева-Амурского к шефу жандармов от 18 мая 1858 г. могла быть сообщена Бакунину только самим Муравьевым, который явным образом участвовал в сочинении писем к Герцену.

7 В этой оценке Бакунин в значительной мере прав: дело петрашевцев, само по себе довольно невинное, было сознательно раздуто жандармами, провокатором Липранди, шпионом Антонелли и пр. Но это не имеет никакого отношения к трактуемой им теме, а в

особенности к параллели между царским сатрапом Муравьевым и революционером Петрашевским, чего революционер Бакунин не понимал, а главное не чувствовал.

8 Здесь клевета на Петрашевского прикрывается словечком "говорят". Кто, где, когда, что говорит, - неизвестно. А между тем с какою злобою Бакунин отзывается о немецких журналистах, "еврейчиках", как он выражается, которые в своей "грязной" полемике прибегают по отношению к своим противникам к таким, недопустимым приемам, как "говорят", "слышно" и т. п., и применяют их к таким людям, как например М. А. Бакунин! См. в дальнейших томах "Исповедание веры русского демократа-социалиста", письма к А. Ришару и т. п.

9 Здесь Бакунин увлекся и нечаянно раскрыл свои карты, сопоставив доносы в Третье Отделение с "доносами" в "Колокол", т. е. жалобами безвластных и задавленных обывателей на произвол всемогущих царских сатрапов вроде Муравьева.

10 Ольдекоп, Карл Карлович (род. в 1810)-русский политический деятель; немец, дворянин; окончил, юнкерскую школу, поручик, чиновник особых поручений при Государственном Банке; был арестован по делу петрашевцев в апреле 1849 г. как посетитель "пятниц", но в июле того же года освобожден. В 1860 г. был советником губернского суда в Иркутске и за свое судебное мнение по делу иркутской дуэли подвергся преследованию.

11 Если Бакунин всерьез хотел, чтобы эти разглагольствования, оправдывающие насилия сатрапа над бесправными политическими ссыльными, были напечатаны в "Колоколе" да еще за его подписью, то надо только удивляться силе его увлечения любовью к Муравьеву и ненавистью к сотоварищам по ссылке, лучше его понимавшим характер сибирского диктатора и его позиции. Более верного способа опозорить себя навеки, чем опубликование этого "Ответа", у Бакунина не было. Но к счастью для него Герцен был слишком умен и политически разборчив, чтобы печатать такой скандальный документ. В разговоре с доктором Белоголовым Герцен признал, что поведение в деле Муравьева - Петрашевского заставило в его глазах сильно потускнеть образ революционера Бакунина. А ведь Герцен, стоявший на буржуазной позиции, не мог еще заметить и как следует оценить с классово-точкой зрения выраженные в этой переписке взгляды Бакунина на колониальные захваты, надругательства над свободой и жизнью населения, превращаемого в казачье сословие, на признание умеренно-дворянской программы (которую принимал тогда сам Герцен) и т. п.

12 Итак после долгих и увертливых рассуждений Бакунин принужден признать, что Корсаков, действовавший здесь явно в духе и несомненно по желанию Муравьева, выслал Петрашевского из Иркутска за то, что тот позволил себе пригрозить жалобой на незаконные действия местной власти в "Колокол"! Это-последний штрих, убивающий все до тех пор приводившиеся хитросплетения Бакунина, впрочем ни для кого не убедительные и слишком наивные.

13 Вот что говорится в известной брошюре Энгельса - Лафарга "Альянс социалистической демократии", выпущенной в Лондоне в 1873 году и направленной против работы Бакунина в Интернационале: "В то время в Сибири находился Петрашевский, глава и организатор заговора 1849 года. Бакунин вступил с ним в явно враждебные отношения и всячески

